

---

## Дискурсивная борьба в международной экологической политике

---

### Аннотация

Статья рассматривает дискурсивные основы международной экологической политики, предлагая взгляд на дискурсивные стратегии как инструменты борьбы акторов за возможность закрепления своего представления о глобальных экологических проблемах в качестве доминирующего в мире. Выделяется два основополагающих мировоззрения, определяющих отношение акторов к экологическим проблемам, — «экономизм» и «устойчивое развитие». Придерживаясь одной из этих позиций, акторы продвигают ее в глобальных дискуссиях, используя три основные дискурсивные стратегии — категоризации, установления повестки дня и установления международных стандартов. Дискурсивная борьба и применение данных стратегий в международной экологической политике рассматриваются на примере проблем изменения климата и биоразнообразия.

**Ключевые слова:** дискурсивные стратегии, экологическая политика, устойчивое развитие, экономизм, биоразнообразие, изменение климата, климатический скептицизм.

---

### Автор

#### Полулях Даниил Сергеевич

Кандидат политических наук,  
преподаватель  
факультета политологии  
Московского государственного университета  
имени М. В. Ломоносова  
(Москва, Россия)



---

**М**еждународная экологическая политика является сферой бурного дискурсивного противостояния. Различные акторы (от государств и их блоков до гражданских объединений и отдельных личностей) применяют дискурсивные стратегии для закрепления своего представления о глобальных экологических проблемах как доминирующего в мире. В свою очередь, дискурс, добившийся доминирования, воздействует на всех акторов экологической политики, побуждая их проводить определенный курс. В то же время он неизбежно порождает

контргегемонистские тенденции, так как никакая гегемония не может быть полной и охватить все источники дискурса.

Случай экологической политики особенно интересен, так как в ней, в силу необходимости знать строгие природные законы, особую роль играет научно-экспертное знание, которое в текущей западноцентричной эпистеме считается непогрешимым и привилегированным в силу своей якобы политической и идеологической нейтральности [10. — Р. 67]. У доминирующего дискурса, подкрепленного экспертизой авторитетных эписте-

## Дискурсивная борьба

## в международной экологической политике

мических сообществ, появляются особые права на обладание «истиной», которое может стать оправданием для введения технократического управления и маргинализации альтернативных дискурсов.

В основе большинства дискурсов экологической политики лежат два полярных мировоззрения, которые необходимо рассмотреть.

\* \* \*

Проблемы экологии, с одной стороны, связаны с ресурсными, а значит, и экономическими проблемами. С другой стороны, эти проблемы поднимают вопрос критериев социального, политического, экономического и международного прогресса в целом.

Традиционный подход к данным вопросам основан на принципе «экономизма», который был характерен, в частности, для «неоклассической школы», оказавшей большое влияние на выбор стратегий странами Запада в XX в. Неограниченный экономический рост здесь рассматривается как фундаментальная основа экономики. Ориентация на этот показатель помогает государству добиваться успеха, реализовывать крупные проекты и более полно удовлетворять потребности населения. Один из важнейших инструментов оценки роста экономики — расчет валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. Сегодня он часто рассматривается как показатель социального прогресса в целом [1].

Способом увеличения ВВП чаще всего признается развитие рыночной системы. Возникающие при этом негативные последствия для других аспектов человеческого развития признаются как неизбежные «социальные издержки». Допускается вмешательство государства для исправления существенных недостатков рынка, но наличие множества ограничивающих механизмов «социальной справедливости» и «охраны окружающей среды» будет препятствовать экономическому росту, а значит, замедлять прогресс.

Дискурс «экономизма» признает неолиберальную глобализацию как доминирующий тренд, который в будущем будет только углубляться, способствуя развитию стран.

Другой взгляд на соотношение экономических и экологических целей представляет дискурс «устойчивого развития». Он поднимает проблему рисков дальнейшего стимулирования экономического роста в условиях разрушающейся природной среды. Дерегулированные рынки способны спровоцировать даже природные катастрофы, поэтому основная задача, стоящая перед нациями, — это научиться управлять развитием. В отличие от чисто экономического представления о развитии данная концепция связывает прогресс также с улучшениями в социальной сфере и сфере экологии. Управление развитием, на котором настаивает рассматриваемый дискурс, должно осуществляться через формирование регулирующих институтов и институтов стратегического планирования.

Если для измерения экономической успешности стран используется расчет ВВП на душу населения, то для оценки успешности продвижения стран по пути устойчивого развития используются разные инструменты. Один из них был предложен на Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (2012 г.). Это «индекс реального богатства», который состоит из трех компонентов: произведенный капитал (машинное оборудование, инфраструктура), человеческий капитал (образование, здравоохранение, трудовые навыки населения) и природный капитал (природные ресурсы и экосистемы). Авторы методики советуют странам поставить в центр экономического планирования именно данный индекс, учитывая все компоненты национального богатства.

Дискурс «устойчивого развития» иногда подвергается критике сторонниками традиционного подхода к экономике и защитниками национального суверенитета.

Так, утверждается, что многочисленные программы защиты окружающей среды, продвигающиеся дискурсом «устойчивого развития», по сути направлены на свертывание промышленного производства в развивающихся странах и тем самым замедляют темпы их развития.

На сегодняшний день концепция «устойчивого развития» получила широкое признание в международном сообществе и более ста стран приняли свои повестки и программы перехода к устойчивому развитию. Это не значит тем не менее, что никто из них не ориентируется на экономический рост как национальный приоритет. К примеру, в своей концепции устойчивого развития США и дальше планируют поддерживать «динамично развивающуюся экономику» при том, что на эту страну приходится значительная доля ущерба окружающей среде [3. — С. 74–75].

Многие развивающиеся страны также не уделяют большого внимания экологическим проблемам и их экономическая модель ориентирована, в первую очередь, на поддержание экономического роста и повышение уровня жизни [6. — С. 158]. Расчет «индекса реального богатства» показывает, что такие страны, как Китай, ЮАР и Бразилия, ориентируются прежде всего на рост ВВП, даже если это происходит за счет разрушения природного капитала: ископаемого топлива, лесов и т. д. [12]. Тем не менее многие из этих стран уже начали или запланировали изменение текущей ситуации. Так, Китай ставит сегодня перед собой задачи сокращения социального дисбаланса, развития низкоуглеродной экономики и расширения использования возобновляемых источников энергии. В то же время страна, как и раньше, считает быстрым экономический рост лучшим средством борьбы с бедностью, повышения уровня жизни и достижения стабильности. С этим однако не всегда согласны сторонники «устойчивого развития» [4. — С. 105].

Наиболее высокие позиции в рейтинге «реального богатства» занимают страны Евросоюза, а также Япония.

Таким образом, сторонники экономизма рассматривают прогресс в терминах возрастания экономической мощи и, соответственно, негативно оценивают любые попытки перевести внимание на проблемы, возникающие ниже (например, социальные проблемы) и выше (например, глобальные экологические проблемы) национального уровня. Соответственно, международное управление экологическими ресурсами данное мировоззрение рассматривает как вредное, сдерживающее развитие подлинных и единственных субъектов международных отношений — государств. С другой стороны, введение ограничений в области национального производства — это цена более дальновидной политики сохранения приемлемых условий жизни для всех. Глобальная координация действий правительств или даже глобальное управление — необходимый элемент в мировоззрении «устойчивого развития».

\* \* \*

Как было показано, в мире сосуществуют два противоположных взгляда на цели развития. В данном разделе будут рассмотрены конкретные инструменты, используемые акторами дискурсивного противостояния по конкретным вопросам.

Обобщая представления ученых о дискурсивных стратегиях, мы выделяем три основных вида таких стратегий. *Стратегия категоризации* заключается в формировании ключевых для глобального развития понятий и конструировании новых проблем. *Стратегия установления повестки дня* направлена на ограничение всего поля идей и проблем несколькими наиболее важными. *Стратегия установления международных стандартов* формирует нормы, которые призваны регулировать поведение акторов и определяет «верный» путь развития для акторов. Последовательное применение трех стратегий создает условия для доминирования позиции определенного актора.

## Дискурсивная борьба

## в международной экологической политике

Рассмотрим международную дискурсивную борьбу на примере проблем изменения климата и биоразнообразия.

Формированием понятий в области *изменения климата* занимались различные «зеленые» движения, некоммерческие негосударственные организации, а также межгосударственные органы системы ООН. Ввод в международный дискурс понятий: «озоновый слой», «климатическая система Земли», «изменение климата» — имел существенные последствия для глобальной политики. Это произошло, прежде всего, из-за определения данных понятий как «глобальных общественных благ» и «общего наследия человечества», что само по себе стало создавать требования для государств в виде организации совместных систем управления, без которых дальнейшее развитие человечества будет под угрозой.

Особое влияние на формирование глобальной проблемы «изменения климата» оказала Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), благодаря которой проблема изменения климата, рассматривавшаяся в 1970-х гг. как локальная проблема (местные изменения в погоде, уровне моря), превратилась в глобальную угрозу, требующую широкой кооперации государств. Формировавшийся дискурс, кроме того, объяснял современное глобальное потепление антропогенными факторами (так называемая теория антропогенного потепления — АГП). Именно этот пункт был наиболее влиятельным с точки зрения поощрения кооперации и именно он стал наиболее спорным.

Дискурс получил распространение, но некоторые страны, в особенности те, кто не хотел предпринимать дорогостоящие меры по сокращению выбросов, увидели в нем попытку определенных акторов распространить свою «эпистемическую» власть в мире. Появились гипотезы, граничащие с теориями заговора, о злонамеренных планах ученых и политиков через искажение данных о динамике глобаль-

ного потепления получить политическую и экономическую власть над миром и его ресурсами, прикрываясь необходимостью неотложного решения климатических проблем [5].

Привлекательности подобной точки зрения добавил скандал, известный как «Климатгейт» (2009 и 2011 гг.). По мнению некоторых активистов, электронная переписка ученых, попавшая в руки хакерам, доказывает, что господствующая позиция по изменению климата связана с сокрытием информации, фальсификацией данных и закрытием доступа к публикации для ученых, не согласных с теорией АГП.

Такая позиция сегодня оформилась в мировоззрение «климатического скептицизма». Его приверженцы также пытаются распространить свое видение, однако делают это в основном через критику теории АГП. Не в силах коренным образом переориентировать человечество или создать конструктивную альтернативу, они ставят своей основной задачей создание т. н. «эпистемического хаоса», выражающегося в потере разделяемых большинством акторов представлений насчет реальности. Данную стратегию брали на вооружение республиканские администрации США — при Дж. Буше-младшем и Д. Трампе. При последнем США вышли из Парижского соглашения по климату. Также климатическими скептиками признаются иногда российские участники глобальных дискуссий. В публичной сфере Россия не демонстрирует желание связывать себя новыми обязательствами по климату. Россия еще не ратифицировала Парижское соглашение по климату (ратификация отложена до 2019 г.).

Но легитимность знания, распространяемого климатическими скептиками, также подвергается атаке. Так, в феврале 2012 г. в распоряжение прессы попали материалы, указывающие, что американская консервативная организация Хартлендский институт выплачивала большие суммы денег исследователям, критиковавшим АГП, а также планировала разработать учебные

планы для школ с целью продвижения климатического скептицизма [2].

Другой уровень противостояния по вопросу изменения климата связан с международной повесткой дня. Сторонники АГП смогли добиться широкого признания своей теории в международном сообществе и сделали вопрос глобального потепления одной из самых важных глобальных проблем. Противники, особенно среди представителей влиятельных государств, стараются противостоять проникновению данного вопроса в актуальную повестку дня, вытесняя его другими проблемами. В зависимости от соотношения сил между дискурсами формируется список проблем для обсуждения в рамках глобальных клубов и форумов.

Третий пласт дискурсивного противостояния основан на использовании стратегии установления стандартов. В нашем случае речь идет о наиболее приемлемых инструментах решения проблемы изменения климата. Как можно догадаться, позиция «климатического скептицизма» вообще не признает необходимость бороться с вредными выбросами. Поэтому вопрос инструментов подразумевает выбор между «жесткими» и «мягкими» инструментами. Текущие международные стандарты поощряют использование рыночных механизмов, а именно торговлю эмиссионными квотами на различных уровнях. Существует однако и альтернативный дискурс, критикующий рыночный подход как неэффективный и компромиссный по отношению к корпорациям и предлагает более жесткие и радикальные решения (от запрета на использование определенных технологий до изменения всей модели потребления).

Говоря о дискурсе изменения климата в целом, необходимо заметить, что на данный момент удерживает лидерство теория АГП благодаря разветвленной институциональной инфраструктуре, а в качестве основных методов борьбы с изменением климата признаны довольно мягкие рыночные подходы. Тем не менее в послед-

нее время консенсус все более размывается, и не только из-за неэффективности многосторонних соглашений по сокращению выбросов, но и, главным образом, из-за усилившейся активности позиции климатического скептицизма, которая, разрушая легитимность господствующего знания, уничтожает почву для кооперации.

В качестве второго примера мы возьмем проблему *биоразнообразия*. Так же, как и изменение климата, эта проблема изначально не имела глобальной проекции. В 1970-х и 1980-х гг. проблема сохранения биологических ресурсов решалась через принятие договоров, защищающих вымирающие виды. В конце 1980-х гг. природоохранные биологи отошли от концепции сохранения вымирающих видов и приняли более холистический подход. Путем масштабной концептуальной и политической работы биологами была создана «идея биологического разнообразия», которая подразумевала уже сохранение всей жизни на Земле. Таким образом была сконструирована еще одна глобальная проблема, обращавшая внимание международного сообщества на уменьшение биологического разнообразия в мире. Идея требовала организации новых программ сохранения биологических ресурсов.

Успешная работа по убеждению глобальных акторов в реальности понятия и самой проблемы привела к проникновению вопроса в глобальную повестку дня и международные экологические договоренности. Дискурсивная работа привела к подписанию в 1992 г. Конвенции ООН о биологическом разнообразии.

Однако Конвенция не полностью отражала точку зрения природоохранных биологов. Дело в том, что развивающиеся страны не хотели признавать биоразнообразие в качестве «общего наследия человечества», то есть были не согласны даже на уровне концептуализации. Это несогласие переросло в неприятие стандартов (в данном случае, инструментов) сохранения. С позиции развивающихся стран данными проблемами должно за-

## Дискурсивная борьба

## в международной экологической политике

ниматься не все «мировое сообщество», а каждое государство в отдельности на своей территории. Глобальные приоритеты у развивающихся стран ассоциировались с доминированием западного влияния и западного знания, поэтому в итоге режим биоразнообразия оказался основан на признании значительного суверенитета государств, которые сами должны быть определять приоритеты.

Еще одна попытка институционализировать дискурс была предпринята природоохранными биологами в 1994 г., когда состоялась публикация «Global Biodiversity Assessment». Это была попытка систематизировать знание о биоразнообразии также, как это делала МГЭИК в вопросах изменения климата. Однако в отличие от МГЭИК, эта попытка не увенчалась успехом: ГВА была признана политически нелегитимной.

Стало очевидно, что строить режим необходимо на основании компромисса между представлениями развитых и развивающихся стран. Поэтому в 2001 г. была основана «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» — международная эпистемическая организация, которая занималась вопросами биоразнообразия, не затрагивая проблему общего наследия

человечества. Организация сосредоточилась на установлении необязывающих стандартов и выработке единого подхода к оценке экосистем.

Таким образом, режим биоразнообразия оказался основан скорее на компромиссе, чем на гегемонии одной стороны. Во многом это стало результатом активного участия развивающихся стран в глобальных дискуссиях и внимательного отслеживания изменений на институциональном ландшафте.

Международная экологическая политика формируется во многом через использование акторами дискурсивной, в особенности научно-экспертной силы, кристаллизирующейся в результате дискурсивной борьбы в новые концепты, повестки дня и международные стандарты. Обращение к дискурсивному измерению международной экологической политики предоставляет государствам (в том числе и России) и другим акторам возможности для выработки стратегии, которая будет продвигать их интересы на глобальном уровне и препятствовать установлению дискурсивной гегемонии со стороны других акторов по различным вопросам мировой политики.

## Литература

1. Вебер А. Б. В поисках новой парадигмы развития // Век глобализации. — 2013. — № 1. — URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18817-v-poiskah-novoy-paradigmy-razvitiya.html>.
2. Вебер А. Б. Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением? // Век глобализации. — 2015. — № 1. — URL: [http://www.globalistika.ru/Globalistika/a\\_g2015\\_1.pdf](http://www.globalistika.ru/Globalistika/a_g2015_1.pdf).
3. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации: Взгляд из России. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 224 с.
4. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. — М.: Весь Мир. — 2010. — 244 с.
5. Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот?». — М.: ОГИ. — 2011. — 944 с.
6. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. ак. А. А. Дынкина. — М.: Магистр. — 2011. — 480 с.
7. Adler E., Bernstein S. Knowledge in power: the epistemic construction of global governance // Power in Global Governance / Michael Barnett and Raymond Duvall (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 294–319.

- 
8. *Halpin T.* Is Russia behind the Climategate hackers? // The Times. — December 7, 2009. — URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/is-russia-behind-the-climategate-hackers-x95jg5drkw>.
  9. *Miller C. A.* Democratization, International Knowledge Institutions, and Global Governance // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. — Vol. 20. — № 2. — April 2007. — P. 325–357. — URL: <http://www.cspo.org/gck/documents/Miller%20-%20Governance.pdf>.
  10. *Pettenger M. E.* Introduction: Power, Knowledge and the Social Construction of Climate Change // The Social Construction of Climate Change: Power, Knowledge, Norms, Discourses / Mary E. Pettenger (ed.). — Ashgate Publishing, Aldershot. — England, 2007. — P. 1–22.
  11. *Takacs D.* Ideas of Biodiversity: Philosophies of Paradise. — Baltimore. — MD: Johns Hopkins University Press. — 1996. — 392 p.
  12. UNU-IHDP and UNEP. Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress toward sustainability. — Cambridge: Cambridge University Press. — URL: <https://static1.squarespace.com/static/520a18b8e4b03ad27ab9e4d1/t/527a3a4ce4b0a1d397622003/1383742028858/Inclusive-Wealth-Report-2012-UNU-IHDP-UNEP-Low-Res-updated-25-July.pdf>.
  13. *Upton J.* Paris Pact Promotes But Complicates Carbon Trading // Climate Central [site]. — February 23rd, 2016. — URL: <http://www.climatecentral.org/news/paris-pact-promotes-but-complicates-carbon-trading-20058>.